

ВЫБОРНЫЕ ГОРОДСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: опыт теоретического осмысления

Д.В. Гущина

Аннотация. В статье рассматривается возможность концептуального определения земских изб, ратуш и магистратов как органов самоуправления или как органов государственного управления. Для выяснения того, по каким критериям следует проводить подобные демаркации, анализируются существующие в историографии подходы, а также опыт современной юриспруденции. Полученные с помощью этого синтеза критерии применяются к тем примерам, которые отразились в делопроизводительной практике данных учреждений. В результате этого автор приходит к выводу о том, что в реальной практике принципы самоуправления были воплощены в российских городах отнюдь не равномерно: в некоторых городах они нашли яркое выражение, в других они практически не учитываются. Из этого следует, что реализация принципов самоуправления на практике зависела от потребностей и возможностей каждого отдельного посада. При этом административно-бюрократические функции этих учреждений остаются неизменными. На этом основании сделан вывод об административно-бюрократической принадлежности указанных учреждений, однако при определенных условиях они могли приобретать существенные черты самоуправления.

Ключевые слова: магистраты, ратуши, земские избы, городская реформа, самоуправление, Главный магистрат, историография.

Для цитирования: Гущина Д.В. Выборные городские учреждения в России первой половины XVIII века: опыт теоретического осмысления // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Часть 2. С. 316–327. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-4-316-327

316

ELECTIVE CITY INSTITUTIONS IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY: The Experience of Theoretical Understanding

D.V. Gushchina

Abstract. The article considers the possibility to conceptually define zemstvo huts, town halls and magistrates as organs of autonomous government or as organs of state administration. In order to clarify the criteria by which such demarcations should be made, existing approaches in historiography as well as the experience of modern jurisprudence are analyzed. The criteria derived from this synthesis are applied to those examples that are reflected in the record-keeping practices of these institutions.

© Гущина Д.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

As a result, the author concludes that in real practice, the principles of self-government have not been embodied quite evenly in Russian cities: in some cities they have found a vivid way of expression, while in others they are practically unreadable. This means that the implementation of the principles of self-government in practice depended on the needs and capabilities of each individual township. At the same time, the administrative and bureaucratic functions of these institutions remained unchanged. On this basis, it is concluded that the institutions in question were administrative-bureaucratic, but under certain conditions they could acquire the essential features of self-government.

Keywords: *magistrates, town halls, zemstvo huts, urban reform, self-government, Chief magistrate, historiography.*

Cite as: Gushchina D.V. Elective City Institutions in Russia in the First Half of the 18th Century: The Experience of Theoretical Understanding. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 4, part 2, pp. 316–327. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-4-316-327

Преобразования в области городского управления 1699–1760-х гг. составляют особый этап во взаимоотношениях государственной власти с городскими сообществами. По реформе 1699–1700 гг. в городах были созданы земские избы, состоявшие из бурмистров, выбираемых из числа городских тяглецов. Они подчинялись созданной в Москве Бурмистрской палате. Тем самым посадское население впервые получило свой сословный суд и централизованную систему управления. Однако законодательные основания, определявшие деятельность этих учреждений, были еще сравнительно размыты, кроме того, сословный принцип в них был соблюден не полностью. С созданием в 1708 г. губерний эта система была разрушена, а посадские люди вновь были переданы под управление местной администрации.

Однако в 1720 г. вновь был организован централизованный орган управления для всего посадского населения — Главный магистрат. Созданный законодателем «дабы всероссийское купечество, яко рассыпанную храмину, паки собрать» [1], Главный магистрат встал во главе системы городских магистратов, которые так же, как и земские избы, комплектовались

выборными служителями. Таким образом, снова произошло возвращение к принципам централизованного управления и сословного суда для посадского населения. В отличие от служителей земских изб, которые сменялись погодно, члены магистратов служили бессрочно. Дальнейшая судьба магистратов сложна: при Екатерине I меняется их подчинение, а при Петре II они были упразднены и заменены ратушами. Только в 1743 г. система магистратов была восстановлена императрицей Елизаветой Петровной практически в том виде, который она имела при Петре I, после чего просуществовала почти без изменений вплоть до Городового Положения 1785 г.

Однако, даровав посадским жителям сословный суд и вверив их центральному органу сословного управления, государство в значительно большей степени, чем прежде, стремилось регулировать и контролировать жизнь городского податного населения. Эта двойственность уже более столетия вызывает живой интерес у исследователей, однако и по сей день ряд вопросов, касающихся данных учреждений, остается дискуссионным. Чьи нужды и интересы обслуживали земские избы, ратуши и магистраты — государственной

власти или посадского населения? Можно ли типологически отнести эти учреждения к органам самоуправления или специфика их организации не позволяет сделать этого? И каковы критерии той или иной типизации? В данной работе наибольшее внимание будет направлено на систему городских магистратов, т. к. в ней наиболее полно воплотились указанные противоречия.

Определение того, в какой степени данные учреждения можно отнести к органам самоуправления, затруднено в силу ряда причин. Сам термин «самоуправление» не имеет единого и точного научного толкования [2, с. 51; 3, с. 3]. Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Евфрона как наиболее широкое приводит следующее толкование этого понятия: «Самоуправление имеет место везде, где правительство избирается и вполне зависит от народа» [4, с. 239].

Термин «местное самоуправление» был введен в российскую исследовательскую литературу А.И. Васильчиковым в 60-е гг. XIX в. [5].

Правовое осмысление самоуправления и анализ с этой точки зрения таких учреждений, как земские избы, ратуши и магистраты, берет начало в XIX — начале XX в. в трудах ученых — представителей «юридической» школы [6; 7]. На этот период приходится наиболее существенный пласт фундаментальных исследований в этой области. Исходя из разных теоретических оснований «общественной» (И.И. Дитятин) и «государственной» (А.Д. Градовский, П. Муллов, М.Ф. Владимирский-Буданов) [7, с. 24; 8, с. 7] теорий самоуправления, ученые применяли разные критерии для выделения элементов самоуправления. Так, И.И. Дитятин не считал ни земские избы, ни магистраты, ни ратуши учреждениями самоуправления, указывая на то, что их

деятельность сводилась лишь к удовлетворению государственных интересов [9]. А.Д. Градовский придерживался сходного мнения, однако его аргументация существенно отличалась. Ученый указывал на то, что, несмотря на предоставленные права, данные учреждения, даже будучи выведенными из-под власти местной администрации, все равно оказывались незащищенными от ее произвола [10]. В то же время некоторые из исследователей видели в этих учреждениях, прежде всего в магистратах, органы самоуправления [11; 12].

Особое место в дореволюционной историографии вопроса занимают работы А.А. Кизеветтера. Его труды выполнены не только на основе законодательных актов, но и на богатейшем материале делопроизводственных источников, впервые введенных в оборот. Это позволило ученому рассмотреть работу магистратов и ратуш в ее реальном воплощении, чем он существенно расширил представления о деятельности данных учреждений. А.А. Кизеветтер рассматривает магистраты и ратуши в связи с посадской общиной, которая являлась органом самоуправления посадских обществ еще до петровских преобразований, а с появлением первых петровских городских учреждений попала под их власть. Именно в ней ученый признает орган самоуправления [13, с. 798], указывая, что функции магистратов в основном сводились к сбору налогов и раскладке повинностей, что позволяет отнести их, скорее, к административно-бюрократическим учреждениям [14, с. 113]. Однако ученый отмечает некоторое проявление стремления посадских жителей к истинной автономии, выразившееся в сфере мирского хозяйства и муниципальных выборов.

Советские ученые рассматривали городские учреждения первой половины

XVIII в. на иных теоретических основаниях: на смену либеральным концепциям пришел исторический материализм. Фокус внимания исследователей сместился на иные проблемы истории города, однако исследователи касались и темы органов городского управления. Оценка самостоятельности и эффективности этих учреждений была невысокая: ученые указывали на фактическую зависимость этих учреждений от общей администрации [15, с. 335; 16, с. 113]. Однако Я.Е. Водарский, в целом соглашаясь с этими выводами, все же указывал, что при учреждении магистратов правительство, стремясь соблюсти свои интересы, тем не менее пошло на уступки посадскому населению, учреждая сословный суд и возвращая выбывших из посада [17, с. 218].

В современной историографии интерес к теме развития учреждений городского управления возрос, причем не только среди историков, но и среди юристов. Однако в отличие от дореволюционного периода исследования историков и юристов на данном этапе велись в значительной мере изолированно друг от друга. В отличие от советских ученых, которые были относительно единодушны в оценке магистратов, современные исследователи приводят аргументы в пользу разнообразных точек зрения. Так, Е.В. Анисимов видит в магистратах жесткую бюрократическую систему с минимальным включением элементов самоуправления [18, с. 137].

Н.В. Козлова, рассматривая Регламент Главного магистрата и Инструкцию магистратам, отмечает, что податно-полицейские и судебные обязанности магистратов практически полностью затмили их обязанности по развитию экономики и хозяйства. Ученый указывает на явное несоответствие между обширными функциями, возложенными на городские

магистраты, и практически полным отсутствием у них возможности распоряжаться финансами [19, с. 228–229]. На сходных позициях стоит А.Б. Каменский, оговариваясь, однако, что по мере укрепления и роста городов на протяжении XVIII в. «у членов магистратов <...> обнаруживалось стремление к превращению их в органы реального самоуправления» [20, с. 71–72].

Несколько иные позиции занимает Б.Н. Миронов. Он рассматривает магистраты в связке с посадской общиной и видит в этом комплексе единую систему самоуправления с двумя группами функций: официальных, или государственных (магистраты), и неофициальных, или общественных (посадские сходы). Ученый отмечает, что члены магистрата в определенной степени зависели от общины в вопросе финансов, кроме того, магистратам приходилось считаться с нуждами избравших их посадских обществ. В качестве примера Б.Н. Миронов приводит случаи смещения магистратских служащих по инициативе посадских жителей [21, с. 490].

Из всего вышеперечисленного следует, что единого устоявшегося мнения о том, можно ли считать земские избы, магистраты и ратуши органами самоуправления, нет. Более того, некоторые исследователи, как например, И.И. Дитятин, противопоставляют понятия «самоуправление» и «управление», однако большинство ученых все же рассматривают первое как составную часть второго. В.В. Еремян, подробно исследовавший вопрос дефиниций «управление» и «самоуправление», отмечает второй подход как гораздо более логичный и отражающий реальное бытование органов самоуправления [2, с. 53].

Оценивая устройство и деятельность земских изб, магистратов и ратуш,

исследователи используют разные критерии, по которым можно выделить именно органы самоуправления. Отправной точкой служит факт выборности состава данных учреждений. Однако это условие, очевидно, необходимое, но отнюдь не достаточное. В качестве одного из наиболее часто приводимых критериев можно назвать степень соблюдения данными учреждениями местных интересов (А.Д. Градовский, И.И. Дитятин, Я.Е. Водарский, Б.Н. Миронов). В.В. Еремян отмечает, что подобный подход весьма сложен в применении, т. к. местные потребности и запросы на практике распадаются на интересы различных групп и даже отдельных личностей, подчас эти запросы противоречат друг другу или переплетаются, создавая неразрывные узлы. Таким образом, применение этого критерия требует детального изучения запросов и интересов различных групп в каждом конкретном случае [там же, с. 55], тем не менее ученый не отказывается от этого критерия. Подлинным самоуправлением он считает систему, в которой в условиях саморегулирования субъекты управления обладают социально значимыми интересами и действенными, прежде всего, юридико-правовыми средствами реализации этих интересов [там же, с. 56].

Итак, реализовались ли в деятельности магистратов, а также земских изб и ратуш интересы посадских обществ (или по крайней мере некоторых входивших в них групп), и каковы были эти интересы? В пользу того, что данные учреждения в определенной степени соответствовали запросам посадков, говорит, к примеру, тот факт, что еще до введения земских изб посадские люди требовали ограничения произвола местных властей. Об этом свидетельствует поток челобитий, эта же мысль звучала во время городских восстаний XVII в. [22, с. 100].

Подтверждением тому, что учреждение магистратов было в интересах посадских жителей, можно считать тот факт, что отмена данных органов в 1727 г. тут же вызвала протест со стороны купечества [19, с. 127]. Таким образом, ратуши удовлетворяли интересы посадских жителей в гораздо меньшей степени, нежели магистраты.

В качестве примера заинтересованности посадских жителей в магистратской службе и деятельности магистратов можно привести некоторые дела о выборах в эти учреждения. Так, например, в 1740-х гг. в Белгороде посадские жители, желавшие отставить от дел уже утвержденных членов магистрата, дошли с жалобами до Сената и добились того, чего желали [23]. В 1720-х гг. ожесточенная борьба за магистратские должности развернулась в Брянске, причем конфликт оказался настолько напряженным, что выплеснулся в массовую драку, в которой члены двух противоборствующих групп посадских побивали друг друга «дубьем и камнями» [24, л. 56 об.]. Напряженная конкуренция за магистратские места развернулась также в Севске [25], Кашине [26], Алатыри [27] и других городах. Однако в иных городах в то же время можно наблюдать практически полное отсутствие интереса к выборам. Так, в Арзамасе в 1744 г. из трех выборных к магистратской службе двое оказались неграмотными, а один — почти слеп [28, л. 11]. Совершенно непропорциональна и степень участия жителей разных посадков в выборах. Например, в 1723 г. в Брянске из 460 проживавших там совершеннолетних мужчин в выборной борьбе так или иначе участвовало 397 человек, т. е. практически все население города, которое имело на это право [24]. В то же время в 1744 г. в Зубцове к выборам явился 21 человек из 116 проживающих в городе

совершеннолетних мужчин [29]. Можно было бы предположить, что это связано с небольшими размерами города, однако в том же году к выборам магистратских служителей в Нижнем Новгороде, в котором проживало на тот момент 2126 душ мужского пола, явилось лишь 88 человек [30]. Таким образом, можно наблюдать необычайную разнородность поведения посадских жителей в отношении магистратов, степень их включенности в выборные процессы. Более того, можно предположить, что у разных городов были разные социальные запросы, ведь некоторые из них состояли в основном из земледельческого населения, каковым был, к примеру, Арзамас, в иных же городах велась оживленная торговая и промышленная деятельность. Очевидно, на все эти процессы влиял целый комплекс факторов, которые должны быть рассмотрены применительно к каждому конкретному случаю. Данный критерий невозможно применить универсально ко всем русским городам, поскольку, очевидно, формирование и деятельность магистратских учреждений протекали в них совершенно по-разному.

Если обращаться к вопросу обеспеченности магистратов юридико-правовыми средствами для реализации интересов посадских обществ, то формально эти учреждения подчинялись единому центральному органу управления, были защищены от посягательств воевод и обладали определенными полномочиями, например, в судебной сфере.¹ Однако при знакомстве с конкретными примерами деятельности магистратов вновь обнаруживается необычайное разнообразие сценариев. Примечательно, что исследователи, стоящие на диаметрально

противоположных позициях, иллюстрируют их реальными случаями. Так, А.Д. Градовский утверждает, что, несмотря на все запреты законодателя, магистраты не были защищены от произвола местных правителей, и приводит в пример случай, когда воевода Равилов самовольно изгнал магистратских служителей из здания ратуши [10, с. 99]. Б.Н. Мионов отмечает, что, несмотря на случаи вмешательства воевод в деятельность магистратов, были и примеры, когда граждане успешно боролись с администрацией, приводя в подтверждение случаи, когда воевода Серпейска, пытавшийся вмешаться в магистратские дела, получил такой серьезный отпор, что «чувствовал себя в управляемом им городе как в осаде» [21, с. 491]. Формально защитником городских магистратов от местной администрации должен был выступать Главный магистрат, однако на практике последний, как и другие центральные учреждения, часто был медлителен и неповоротлив в решении запросов посадских обществ, а в некоторых случаях это дополнительно усугублялось удаленностью центра [20, с. 75–76]. В таких условиях многое зависело от характеристик самих посадков и, вероятно, находчивости и энергичности отдельных их жителей. Так, например, в упомянутом выше конфликте в Белгороде одна из противоборствующих групп посадских жителей привлекла воеводу в качестве союзника в борьбе. Таким образом, степень беспомощности или, напротив, защищенности в борьбе с местной администрацией также существенно разнится от посада к посаду.

Следует оговориться, что магистраты в этой борьбе стояли на заведомо невыгодных позициях в силу низкого сословного

¹ При этом, однако, часть корреспонденции городских магистратов с Главным магистратом велась не напрямую, а через учреждения местной администрации, причем за строгим соблюдением этого правила следил сам Главный магистрат.

статуса посадских людей, из которых вы-
бирались магистратские чины. Даже член-
ы Главного магистрата, который должен
был защищать городские магистраты от
произвола местной администрации, не
приобретали своей службой соответствую-
ющих их должности чинов и дворянских
привилегий [31, с. 124]. Поэтому, хотя ма-
гистратские члены были служителями
формально равных по рангу учреждений,
зачастую это не мешало воеводам отно-
ситься к ним, как «мужи» привыкли от-
носиться к «мужикам» [10, с. 99; 31,
с. 238]. Яркие примеры тому приводит
Н.В. Козлова [32, с. 221–224]. В 1723 г.
Коломенский магистрат отказал генералу
С.А. Салтыкову в починке струга, на ко-
тором последний плыл в Нижний Новго-
род. Починка струга не входила в число
функций магистрата и вполне могла быть
выполнена наемными плотниками. Одна-
ко генерал приказал бить бургомистра
Коломенского магистрата «смертным бо-
ем», словно это был его крепостной кре-
стьянин, вздумавший перечить господину.
Не меньшие притеснения потерпели
бургомистр и ратманы Коломенского ма-
гистрата от обер-офицера Р. Волкова, ко-
торый избил бургомистра тростью и ве-
лел драгунам бить его «плетьми смертно,
и от того де бою лежит он... и поныне
при смерти» [там же, с. 224]. Тем удиви-
тельнее в свете этих примеров кажется
то, что даже в таких условиях некоторым
посадским обществам все же удавалось
отстаивать свои интересы.

Возможность магистратов и стоящих
за ними посадских обществ противоре-
чить местной администрации играет прин-
ципиальную роль еще по одной причине.
Одним из существенных «завоеваний»
магистратской реформы стало то, что ма-
гистратские учреждения получили дей-
ствительно существенные права и воз-
можности в судебной сфере. Высшей

судебной инстанцией для городских ма-
гистратов становился Главный магистрат,
в ведение магистратских судов переходили
не только финансовые вопросы, но и
уголовные дела. Однако грубое вмеша-
тельство местной администрации в эту
сферу во многом нивелировало положи-
тельный эффект этого узаконения.

Но для реализации запросов и нужд
управляемых обществ необходимы не
только правовые, но и финансовые сред-
ства. Таковые у магистратов отсутствова-
ли практически полностью. Пункт 26 ин-
струкции магистратам позволял данным
учреждениям тратить деньги лишь на
«канцелярские расходы», причем эти
средства предлагалось брать из «неоклад-
ных магистратских сборов». При этом в
других пунктах инструкции четырежды
повторяется на разные лады запрет каких
бы то ни было сборов с посадских жите-
лей, кроме тех, которые были бы одобре-
ны собственным указом Сената (пункт
18) [33]. Такое внимание к дополнитель-
ным сборам становится несколько более
понятным, если обратиться к реальной
практике магистратского управления: в
1723 г. только что избранные члены
Брянского магистрата начали сбор «не
знамо на какие нужды» [24, л. 2 об.].
Сходная ситуация со сборами сверх
оклада происходила и в Белгороде в
1740-х гг. [23, л. 37 об.]. С наибольшей
вероятностью здесь речь идет о злоупо-
треблениях магистратских властей, а не
о сборах на реализацию хозяйственных
запросов горожан.

Подтверждением этому служит проект
Комиссии о коммерции, разработанный
под влиянием петербургских купцов в на-
чале 30-х гг. XVIII в. Этот проект, который
появился как реакция на отмену магистратов,
подробно рассмотрела Н.В. Козлова
[31]. В нем предлагалось не только восста-
новить магистрат в Петербурге, но и

определить ему «некоторые доходы», а его служителям положить жалование. Особо оговаривалась передача магистрату доходов на широкий спектр нужд: на школы, госпитали, богадельни, содержание публичных строений, гостиных и мытных дворов, возведение публичных зданий, причем в подробно разработанной Табели доходов магистрата эти расходы значились как «новые». Н.В. Козлова, указывая на это определение, делает вывод о том, что, хотя все эти заботы о городском хозяйстве и культуре и были декларированы еще в Регламенте Главного магистрата, действительных отчислений на эти статьи не производилось [там же, с. 37]. Исходя из этого, следует признать за магистратами практически полное

отсутствие самостоятельности в финансовых вопросах.

Таким образом, в магистратах были стабильно представлены главным образом именно административно-бюрократические функции. Законодатель привнес в эти учреждения существенный элемент самоуправления, однако степень его развития не была равной в разных городах и зависела от комплекса факторов. В некоторых городах элементы самоуправления проявлялись достаточно отчетливо и ярко, в других же они практически сводились к нулю. Такие выводы становятся возможны при пересечении разных дисциплинарных областей, в данном случае рассмотрение исторических концепций было дополнено работами по юриспруденции и политологической теории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. VI. №. 3708. СПб., 1830.
2. *Еремян, В.В.* Местное управление и самоуправление в Латинской Америке. М.: Российский университет дружбы народов, 2001. 496 с.
3. *Лиманский, Г.С.* Историко-правовые и политико-правовые аспекты формирования системы местного самоуправления в России. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2000. 99 с.
4. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 28а. СПб.: Семеновская Типо-Литография И.А. Ефрона, 1890–1907. С. 239–242.
5. *Петухов, Р.В.* Местное самоуправление: опыт теоретического осмысления А.И. Васильчиковым и современные реалии // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 3. С. 89–106.
6. *Тимофеева, Е.П.* Местное самоуправление: историографический обзор // Мир человека. 2007. Т. 3. № 3. С. 5–13.
7. *Горбатюк, Е.С.* Основные теории местного самоуправления: аналитический обзор // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2015. № 1. С. 21–27.
8. *Лаптева, Л.Е.* Земские учреждения в России. М.: ИГПАН, 1993. 132 с.
9. *Дитятин, И.И.* Устройство и управление городов России. Т. I. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. 508 с.
10. Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 9: Начала русского государственного права. Ч. 3: Органы местного управления. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 384 с.
11. *Муллов, П.А.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1864. 197 с.

12. *Владимирский-Буданов, М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
13. *Кизеветтер, А.А.* Посадская община в России XVIII ст. М.: Университетская типография, 1903. 810 с.
14. *Кизеветтер, А.А.* Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: исторический очерк. М.: Тип. Императорского Московского университета, 1910. 155 с.
15. *Слицан, Б.Г.* Реформы местного управления // Очерки истории СССР. Т. 6. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б.Б. Кафенгауза, Н.И. Павленко. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 318–341.
16. *Ерошкин, Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 368 с.
17. *Водарский, Я.Е.* Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М.: Институт российской истории РАН, 2006. 416 с.
18. *Анисимов, Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
19. *Козлова, Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М.: Археографический центр, 1999. 384 с.
20. *Каменский, А.Б.* Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII века // Административно-территориальное устройство России: история и современность. 2002. № 1. С. 58–99.
21. *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
22. *Тарловская, В.Р.* Из истории городской реформы в России конца XVII — начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М.: Московский университет, 1991. С. 98–118.
23. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 700. 203 л.
24. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 37. 201 л.
25. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 503. 96 л.
26. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 640. 156 л.
27. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 1020. 186 л.
28. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 422. 54 л.
29. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 963. 32 л.
30. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 338. 49 л.
31. *Козлова, Н.В.* Попытка городской реформы в России в 30-е годы XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1991. № 4. С. 29–42.
32. *Козлова, Н.В.* Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора

русской истории Нины Борисовны Голиковой / под ред. Л.А. Тимошиной. М.: Археографический центр, 1994. С. 214–229.

33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. VII. №. 4624. СПб., 1830.

REFERENCES

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Meeting 1st., vol. VI, No. 3708]. St. Petersburg, 1830. (in Russ.)
2. Eremyan, V.V. *Mestnoe upravlenie i samoupravlenie v Latinskoj Amerike* [Local Government and Self-Government in Latin America]. Moscow, Rossijskij universitet družby narodov, 2001, 496 p. (in Russ.)
3. Limanskij, G.S. *Istoriko-pravovye i politiko-pravovye aspekty formirovaniya sistemy mestnogo samoupravleniya v Rossii* [Historical-Legal and Political-Legal Aspects of the Formation of the System of Local Self-Government in Russia]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2000, 99 p. (in Russ.)
4. *Enciklopedicheskij slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron, vol. 28a]. St. Petersburg, Semenovskaya Tipo-Litografiya I.A. Efrona, 1890–1907, pp. 239–242. (in Russ.)
5. Petuhov, R.V. *Mestnoe samoupravlenie: opyt teoreticheskogo osmysleniya A.I. Vasilchikovym i sovremennye realii* [Local Self-Government: The Experience of Theoretical Understanding by A.I. Vasilchikov and Modern Realities], *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2011, No. 3, pp. 89–106. (in Russ.)
6. Timofeeva, E.P. *Mestnoe samoupravlenie: istoriograficheskij obzor* [Local Self-Government: A Historiographical Review], *Mir cheloveka* = Human's World, 2007, vol. 3, No. 3, pp. 5–13. (in Russ.)
7. Gorbatyuk, E.S. *Osnovnye teorii mestnogo samoupravleniya: analiticheskij obzor* [Basic Theories of Local Self-Government: An Analytical Review], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Bulletin of St. Petersburg University, Ser. 6: Political Science. International Relations, 2015, No. 1, pp. 21–27. (in Russ.)
8. Lapteva, L.E. *Zemskie uchrezhdeniya v Rossii* [Zemstvo Institutions in Russia]. Moscow, Institut gosudarstva i prava, 1993, 132 p. (in Russ.)
9. Dityatin, I.I. *Ustrojstvo i upravlenie gorodov Rossii* [The Structure and Management of Russian Cities, vol. I]. St. Petersburg, Tipografiya P.P. Merkuleva, 1875, 508 p. (in Russ.)
10. *Sobranie sochinenij A.D. Gradovskogo. T. 9: Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Ch. 3: Organy mestnogo upravleniya* [Collected Works of A.D. Gradovsky, vol. 9: The Beginning of Russian State Law, part 3: Local Government]. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1908, 384 p. (in Russ.)
11. Mullov, P.A. *Istoricheskoe obozrenie pravitelstvennyh mer po ustrojstvu gorodskogo obshchestvennogo upravleniya* [Historical Review of Government Measures for the Organization of Urban Public Administration]. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 1864, 197 p. (in Russ.)
12. Vladimirskij-Budanov, M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. Moscow, Territoriya budushchego, 2005, 800 p. (in Russ.)
13. Kizevetter, A.A. *Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st.* [Posad Community in Russia XVIII Century]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1903, 810 p. (in Russ.)

14. Kizeveter, A.A. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii IX–XIX st.: istoricheskij ocherk* [Local Self-Government in Russia 9th–19th Century: Historical Outline]. Moscow, Imperatorskij Moskovskij universitet, 1910, 155 p. (in Russ.)
15. Slican, B.G. Reformy mestnogo upravleniya [Local Government Reforms] In: *Ocherki istorii SSSR. T. 6. Period feodalizma. Rossiya v pervoj chetverti XVIII v. Preobrazovaniya Petra I* [Essays on the History of the USSR, vol. 6. The Period of Feudalism. Russia in the First Quarter of the XVIII Century. Transformations of Peter I], ed. by B.B. Kafengauz, N.I. Pavlenko. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1954, 814 p. (in Russ.)
16. Eroshkin, N.P. *Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, Vysshaya shkola, 1983, 368 p. (in Russ.)
17. Vodarskij, Ya.E. *Issledovaniya po istorii russkogo goroda (fakty, obobshcheniya, aspekty)* [Research on the History of the Russian City (Facts, Generalizations, Aspects)]. Moscow, Institut rossijskoj istorii, 2006, 416 p. (in Russ.)
18. Anisimov, E.V. *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержавие Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII veka* [State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 1997, 331 p. (in Russ.)
19. Kozlova, N.V. *Rossijskij absolyutizm i kupechestvo v XVIII v.: 20-e — nachalo 60-h godov* [Russian Absolutism and Merchant Class in the 18th Century: 20s — Early 60s]. Moscow, Arheograficheskij centr, 1999, 384 p. (in Russ.)
20. Kamenskij, A.B. Centralnoe i mestnoe upravlenie i territorialnoe ustrojstvo v kontekste reform XVIII veka [Central and Local Government and Territorial Structure in the Context of the Reforms of the 18th Century], *Administrativno-territorialnoe ustrojstvo Rossii: istoriya i sovremennost = Administrative-Territorial Structure of Russia: History and Modernity*, 2003, No. 1, pp. 58–99. (in Russ.)
21. Mironov, B.N. *Socialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoy semi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. T. 1.* [Social History of Russia in the Period of the Empire (XVIII — Early XX Century). The Genesis of the Individual, the Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law, vol. 1]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2003, 548 p. (in Russ.)
22. Tarlovskaya, V.R. Iz istorii gorodskoj reformy v Rossii konca XVII — nachala XVIII v. [From the History of Urban Reform in Russia at the End of the 18th Century — the Beginning of the 18th Century]. In: *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv.* [State Institutions of Russia XVI–XVIII Centuries]. Moscow, Moskovskij Universitet, 1991, pp. 98–118. (in Russ.)
23. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 «Glavnyj magistrat», inventory 1, part 1, file 700, sheets 203. (in Russ.)
24. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 «Glavnyj magistrat», inventory 1, part 1, file 37, sheets 201. (in Russ.)
25. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 «Glavnyj magistrat», inventory 1, part 1, file 503, sheets 96. (in Russ.)
26. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 «Glavnyj magistrat», inventory 1, part 1, file 640, sheets 156. (in Russ.)
27. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 «Glavnyj magistrat», inventory 1, part 1, file 1020, sheets 186. (in Russ.)
28. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 «Glavnyj magistrat», inventory 1, part 1, file 422, sheets 54. (in Russ.)

29. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 «Glavnyj magistrat», inventory 1, part 1, file 963, sheets 32. (in Russ.)
30. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 «Glavnyj magistrat», inventory 1, part 1, file 338, sheets 49. (in Russ.)
31. Kozlova, N.V. Popytka gorodskoj reformy v Rossii v 30-e gody XVIII v. [An Attempt at Urban Reform in Russia in the 1830s.], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija* = Bulletin of Moscow University, Ser. 8: History, 1991, No. 4, pp. 29–42. (in Russ.)
32. Kozlova, N.V. Gildeiskoe kupechestvo v Rossii i nekotorye cherty ego samosoznaniya v XVIII v. [Guild Merchants in Russia and Some Features of Their Self-Consciousness in the 18th Century]. In: *Torgovlya i predprinimatelstvo v feodalnoj Rossii* [Trade and Entrepreneurship in Feudal Russia. To the Anniversary of Professor of Russian History N.B. Golikova], ed. by L.A. Timoshina. Moscow, Arheograficheskij centr, 1994, pp. 214–229. (in Russ.)
33. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Meeting 1st., vol. VII, No. 4624]. St. Petersburg, 1830. (in Russ.)

Гущина Дина Вадимовна, аспирант, кафедра истории России до начала XIX века, МГУ имени М.В. Ломоносова, totedo@rambler.ru

Dina V. Gushchina, Postgraduate Student, History of Russia before the 19th Century Department, Lomonosov Moscow State University, totedo@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2022. Принята к публикации 11.11.2022.

The paper was submitted 07.10.2022. Accepted for publication 11.11.2022.